

...ТЫ НОСИШЬ ИМЯ, БУДТО ЖИВ...
(Откровение Иоанна Богослова 3: 1)

Первая тетрадь

Оля Ярхо

17 марта

1. В начале третьей части цикла «В Поисках утраченного времени» Пруст описывает впечатление, которое производило на него имя Германтов. Семья главного героя, от лица которого ведется повествование, живет (то есть нанимает квартиру) в парижском особняке Германтов и наблюдает за их жизнью — со стороны. Повествователя, тогда совсем молодого человека, больше всего коробит и даже ранит то, что своей подчеркнутой элегантностью, доступной любой женщине со средствами, графиня Германт противоречит мифологическому сиянию, мистической славе имени «Германтов» (конечно, отсылающих к франкам, к арийцам, к тому, что Германты — как аристократы — представляют собой особое племя, особую расу). Это имя, пишет Пруст, является одной из колонн, одной из сияющих золотом статуй, поддерживающих своды королевской Сент-Шапель. В словах об имени Германтов, в описании впечатления, которое оно на него производит, Пруст постоянно использует библейскую и литургическую лексику. Тут для него не существует ни вкуса, ни иронии. Имени Германтов слагает он псалмы; имя это поет и гремит как фанфара. Это имя — идеал, противостоящий прогрессу, современной пошлости, технике, газетам. Это имя — легенда, сказка, витражи. А носители этого имени — не соответствующие его блеску «обычные» люди. Имя живет своей собственной, отдельной от людей жизнью.

В статье «Пруст и имена» Ролан Барт сделал из прустовских имен систему, превратив выбор писателем

имени (имен) для своих героев в центральное событие его творческого процесса. По Барту, у Пруста два времени: время «имен» и время «вещей». Они не совпадают, а лишь соприкасаются. Первое — царство идей и воображения, второе — феноменов и критического видения, возникающего при попадании имен в реальность. Именно в области имен собственных Пруст работает как поэт. Эти имена озвучены особенным образом: *Germantes* — длинное слово, с непроизносимой, но весьма ощутимой последней «е».

2. В письме от 23 мая 1909 года Пруст спрашивал у своего друга Жоржа де Лориса, носит ли кто еще имя Германтов или это имя свободно, на тот случай если бы он сам захотел взять его в качестве псевдонима. Ибо существовал замок Германтов, а если род прекратился, то имя можно было заново использовать (возобновить).

Сегодня Германты — это деревня на реке Марне, в двадцати пяти километрах на восток от Парижа. Почитатели Пруста туда не ездят, ибо знают, что весь шарм, весь блеск Германтов не в реальности каменных стен и садовых дорожек, а в слове, в имени. Для Юлии Кристевой Германты — это и вовсе «метафора Сущего как предмета Литературы».

Что же до замка Германтов, то он был построен в самом конце XVII века финансистом Поленом Прондром (1650–1723), который по замку стал зваться Прондром де Германт; до 1800 года замок принадлежал его семье, потом через не слишком блестящие браки перешел к семье Толозан, потом к Ларенти. В 1922 году замок был куплен нуворишами, баронами Хоттингер. Короче, ничего вразумительного. И все же. В 1903 году (Пруст это знал) замок был летней резиденцией Франсуа де Пари, юноши неземной красоты. В 1901–1902 годах Пруст подружился с компанией молодых людей, принадлежащих к сливкам аристократии. Франсуа де Пари (имя которого звучало

словно королевское) не непосредственно принадлежал к этому кружку, но был знаком со многими его членами, в частности с Бернаром де Фенелоном и с Жоржем де Лорисом. Однажды Франсуа присоединился к экскурсии по старинным церквям Иль-де-Франс, организованной Прустом под названием «Рёскин».

3. Я почти ничего не знаю о моих предках, о значении и происхождении их имен. Чье имя, чьи имена я ношу? Но всякий раз, когда я пытаюсь заглянуть в метрики и заняться такого рода поисками, меня охватывает бесконечная тоска. Это место («генеалогия») для меня пусто. Там брезжит нечто серое, неживое, леденит душу скука и бессмыслица. Мне хочется бежать, исчезнуть, скрыться. Я не хочу знать, кто еще в прошлом или в настоящем, в связи со мной или безо всякой связи, носил или носит такую же фамилию. Имя «собственное», какое разочарование! При первом более или менее внимательном рассмотрении оно оказывается вовсе даже не собственным, а всеобщим, все равно чьим, ничьим. Мне все равно, что за имя я ношу.

И все же нет, мне не все равно.

Но как же так?

Секрет заключается в том, что я ношу не свое имя. Не свою фамилию. То есть она моя, но не моя, не изначальная, неправильная. Фамилия моя, но не та, что моя, имя мое, но не то, которое мое, то есть не та, не то, что мне было дано от рождения. Ну вот, начинается, как сказал бы мой папа. Опять эта ужасная путаница. Хорошо, что меня не слышит (надеюсь, что никогда не прочтет) какой-нибудь психоаналитик. Не просто путаница, а невнятица, перекосяк; не просто темнота незнания, так себе, мол, нет и не надо, а мешанина всего и со всем, как на моей карточке французской медицинской страховки, на которой я фигурирую — просто как в Винни Пухе — «под именем»: Medvedkova, Yarkho Olga Anat.